

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	43
Глава третья	55
Глава четвертая	67
Глава пятая	76
Глава шестая	87
Глава седьмая	101
Глава восьмая	113
Глава девятая	139
Глава десятая	151
Глава одиннадцатая	163
Глава двенадцатая	175
Глава тринадцатая	186
Глава четырнадцатая	200
Глава пятнадцатая	213
Глава шестнадцатая	227
Глава семнадцатая	240
Глава восемнадцатая	252
Глава девятнадцатая	263
Глава двадцатая	275
Глава двадцать первая	284
Глава двадцать вторая	292
Глава двадцать третья	303
Глава двадцать четвертая	317
Глава двадцать пятая	323
Глава двадцать шестая	333
Глава двадцать седьмая	345
Глава двадцать восьмая	361
Глава двадцать девятая	371
Глава тридцатая	386
Глава тридцать первая	395
Глава тридцать вторая	405
Глава тридцать третья	417
Глава тридцать четвертая	432
Глава тридцать пятая	442
Глава тридцать шестая	450
Глава тридцать седьмая	458
Глава тридцать восьмая	462
Глава тридцать девятая	473

ПРОЛОГ

СИЛЬВИ

— **М**амочка! — Мой голос звучит хрипло, горло так и саднит. Все тело болит, мне никак не устроиться в постели. Как бы я ни легла, мне все равно неудобно. Одеяла кажутся тяжелыми, жаркими, и я раздраженно откидываю их в сторону.

— Сильви, дорогая! — Мама врывается ко мне в спальню, хватая отброшенное одеяло и снова закутывает меня. — Лежи под одеялом. Ты и так плохо себя чувствуешь, неужели хочешь разболеться еще больше?

Меня с такой силой захлестывает раздражение, что хочется кричать, но вместо этого я закрываю глаза и фокусируюсь на том, чтобы сделать глубокий вдох и при этом не закашляться. Последние пару дней приходится сидеть дома, и мне ужасно скучно.

— Я и так уже простужена.

Мама вздыхает.

— Верно. Поэтому тебе вообще не стоит ходить в школу. Ты вечно что-нибудь подхватываешь. — Она говорит об этом так решительно, что мне остается только смотреть на нее во все глаза. — Это же просто рассадник инфекции! Уж казалось бы, в самой дорогой школе города все должно быть совсем по-другому.

— Мне нравится в школе. — Она постоянно угрожает лишить меня возможности туда ходить, а я все время плачу и умоляю не забирать меня. Не хочу учиться дома. Тут целый день только мы с мамочкой. Мне нравятся учителя и мои друзья, хотя их у меня немного. Я никогда не задерживаюсь в школе надолго, так что меня не приглашают с ночевкой в гости и на праздники по случаю дня рождения.

Я вечно болею. Не знаю даже, что со мной не так и почему я постоянно хожу по врачам. Им, похоже, тоже никак не удается выяснить, в чем проблема.

— Который час? — спрашиваю я, отчаянно пытаюсь сменить тему. Если мама чересчур зациклится на школе, она может попытаться что-нибудь предпринять. Например, окончательно забрать меня оттуда.

Она так уже делала. Нынешняя моя школа — третья по счету (детский сад не в счет), а я ведь только в третьем классе. Папочка говорит, мне нужна стабильность, но, когда мы с мамой остаемся наедине, она объясняет, что папа понятия не имеет, о чем говорит.

Я ей, пожалуй, верю.

— Почти девять. Пора принимать лекарство.

Я сажусь в кровати, устраиваюсь поудобнее. Мама тянется к комоду, где стоит сироп от кашля, и я морщусь. Вкус у него отвратительный.

Так что я принимаюсь ныть.

— А это обязательно?

— Да. — Она поворачивается ко мне, наливает в крошечный стаканчик густой бордовый сироп и протягивает мне. — Давай, все до капли.

Я делаю как велено: скривившись, глотаю мерзкую жидкость. Сироп от кашля всегда мерзкий на вкус, но этот даже хуже обычного. После него во рту остается странный металлический привкус — даже не понимаю, какой именно, а каждый раз, когда я спрашиваю почему, мама говорит, что так и должно быть.

— Вот и умничка, — бормочет она, когда я возвращаю пустой стаканчик. — Спасибо, что не споришь, милая.

Я поправляю подушки, устраиваясь поудобнее. Мне ужасно хочется сбежать из комнаты — пойти посмотреть, что сейчас по телевизору. Может, идет какой-нибудь фильм? Но мама ни за что не позволит, я точно знаю. Скажет, что уже поздно.

У нее всегда найдется повод.

— Тебе надо поспать. Уверена, ты вымоталась. — Она натягивает одеяло до самого моего подбородка, склонившись, целует в лоб. — Моя малышка, дорогая моя красавица. Надо ведь, чтобы кто-нибудь о тебе позаботился, да?

Я игнорирую ее слова — мне от них не по себе.

— Я не устала. Я весь день спала.

— Тебе надо отдыхать.

— Мне скучно. Ты позвонила моей учительнице, узнала, что задали? — Мне очень хочется хоть чем-нибудь заняться. Я не получила задание на неделю, и мне надо выучить таблицу умножения.

Мама выпрямляется во весь рост и будто вышпачается над моей кроватью.

— Ты ведь не собираешься на самом деле делать уроки, а?

Уроки. Она это слово произносит как какое-то ругательство.

Я пожимаю плечами.

— Мне нравится учиться.

— Я тебя столькому могла бы научить — в школе такого не расскажут. Разным практичным, полезным вещам, которые потом пригодятся в жизни. — Она садится на край кровати, улыбается мне. — Мы не такие, как все, понимаешь. Наша семья, у нас другой образ жизни. Некоторые предметы из тех, что тебе преподают... Тебе это никогда не понадобится.

Она постоянно так говорит. Что мы не такие, как все. Как будто мы лучше остальных. Иногда мне и самой хочется в это верить, а иногда...

От подобных мыслей у меня появляется чувство вины.

— Но мне нравится в школе. И нравится общаться с друзьями.

Она хмурится.

— А мамочка тебе разве не нравится?

— Я люблю тебя, — без колебаний отвечаю я.

Лицо мамы тут же разглаживается.

— Тогда лучше, если ты всегда будешь дома. Со мной.

Вот только я не хочу. Как ей сказать об этом так, чтобы не обидеть?

Нас прерывает стук в дверь — резкий, быстрый. Дверь приоткрывается, и в проеме появляется мой отец. Он смотрит на меня, и лоб его прорезает морщинка, как бывает всегда, когда он беспокоится.

— Ты тут в порядке, букашечка? — ласково спрашивает он.

Ответить я не успеваю — вклинивается мама.

— Не называй ее так. Она не букашка. — Когда мама произносит слово «букашка», у нее кривится рот. Как будто это слово плохое.

— Все нормально, — говорю я папе. Хватаю плюшевого единорога, купленного им пару лет назад, прижимаю к груди. — Просто простыла.

Будто в подтверждение моих слов меня вдруг разбирает кашель.

Папа хмурится еще больше, поглядывает на мамочку.

— Голос у нее ужасный.

— Завтра утром мы идем к врачу, нам назначено, — прохладно отвечает мама.

Меня тут же переполняет разочарование. Не хочу к врачу. Я и так только и делаю, что по врачам хожу. А это всего-навсего простуда. Ничего страшного.

— Ты ее постоянно по врачам таскаешь, а лучше ей, судя по всему, так и не становится. — Папа мельком улыбается мне, а потом устремляет все внимание на маму. — Почему, как ты считаешь?

— Что ты хочешь сказать? Ты во мне сомневаешься? Они все еще пытаются выяснить, что с ней не так. — Она поворачивается к выходу из спальни. — Скоро вернемся, дорогая.

Я смотрю им вслед. Слышно, как они яростно шепчутся в коридоре, а когда оба повышают голос, я закрываю глаза и стараюсь покрепче вжаться в подушку.

— Давай я хотя бы раз сам займусь этим? Что бы ты ни делала, ничего не получается.

— Да как ты смеешь! Как будто я виновата, что она болеет. Мы даже не знаем, что с ней не так! Я хоть что-то пытаюсь предпринять и помочь ей.

— Я тоже хочу помочь, но ты мне никогда не даешь. Такое ощущение, что ты пытаешься заполучить ее целиком.

— Может, так и есть. Может, у меня кроме нее ничего и никого нет. Тебе ведь плевать на то, что мне нужно, да и на то, что ей нужно, тоже.

Отец замолкает. Я буквально сквозь стену чувствую исходящую от него злость — и от мамы тоже.

Они постоянно сердятся, когда говорят обо мне. А оставшись наедине со мной, мама и о папе многое говорит. Жалуеться, что он ее больше не любит.

Мне все это не нравится. Не хочу ничего об этом слышать. Мамины слова пугают меня. А иногда...

Иногда меня пугает она сама.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СИЛЬВИ

Три года назад

— **В**ыбирай, — насеждает мать, не выпуская моей руки. Хватка у нее стальная, такая, что синяки останутся, а голос напоминает шипение гадюки.

Я вырываю руку, потирая то место, где она прикасалась ко мне, сверлю мать взглядом. Разумеется, на нее это не оказывает ровным счетом никакого воздействия. Как всегда.

— Нет. Ты просишь у меня невозможного.

Она изгибает изящно очерченную бровь. Мама у меня красива — классической, традиционной красотой. Благодаря многочисленным современным процедурам она прекрасно выглядит для своих лет, на лице у нее ни морщинки, хотя никому до ее морщинок в любом случае нет никакого дела: отец ушел от нее много лет назад, мужчины в ее жизни нет, внимание направлять не на кого.

Разве что на меня.

— Нет ничего невозможного, дорогая. Кто-то, а ты должна это понимать. Взгляни на себя. Ты же сама — воплощение чуда.

Меня охватывает такая ярость, что, кажется, даже кровь застывает в жилах. Я до сих пор жива только по одной причине: я выяснила, что

творила моя мать. Она годами убеждала целую гвардию врачей, что со мной что-то не так, хотя на самом деле я была в полном порядке.

Абсолютно здорова.

А она все это время травила меня токсинами неизвестного происхождения. Подрывала мое здоровье, разрушала его основы, не давала толком высыпаться, из-за чего я выглядела и вела себя все хуже и хуже.

Клянусь, у меня сохранилось смутное воспоминание о том, как она прижимала к моему лицу подушку, а я задыхалась. Неужели такое на самом деле было? Или это лишь плод не на шутку разыгравшегося воображения?

Я до сих пор не знаю наверняка.

Хотя я несколько раз вызывала ее на разговор, обличала в том, что она со мной сотворила, она делает вид, что наших душераздирающих споров никогда и не было, — и я следую ее примеру. В предпоследний год обучения в школе у меня чуть не случилась передозировка, причем на сей раз по моей собственной вине, а не по вине моей матери, и вот тогда она прекратила весь этот фарс. Все это представление.

Всю мою жизнь мама чертовски убедительно играла свою роль. Она не просто актриса, ей за лицедейство награда полагается. Вечно строила из себя исступленную, обезумевшую от беспокойства мать, которая не в силах помочь своей бедной больной дочурке. Я не сразу поняла, что происходит, но первые подозрения у меня появились лет в восемь.

В восемь.

Тогда я моментально выбросила подобные мысли из головы. В конце концов, никто не захочет признаваться себе, что его мать творит

с ним что-то настолько ужасное. Я и представить себе не могла масштабы ее жестокости, а потом осознала простой факт: она хотела, чтобы я умерла.

Вот только почему? Потому что это гарантировало бы ей внимание? Я не смогла придумать другой причины. Отец пренебрегал ею. Мой брат избегал ее, а моя сестра притворялась, что матери попросту не существует.

Так что она сосредоточила все свои дьявольские потуги на мне. В ее собственной жизни царил настоящий хаос, и лишь меня она все еще могла контролировать.

Ирония заключалась в том, что, когда я чуть не умерла, это произошло из-за решения, принятого мной самой, а не из-за маминых действий. Я тогда предала лучшую подругу, разрушила наши отношения и просто обезумела от горя. Казалось, жить дальше не имело смысла. Вся моя жизнь представлялась мне огромной ложью — так я тогда думала.

А теперь выясняется, что у моей матери до сих пор имеются на меня далеко идущие планы: она снова намерена отправить меня на смерть, только теперь совершенно другим способом.

— По крайней мере, я предоставила тебе варианты, — продолжает она. У нее холодная улыбка, расчетливый взгляд. — Давай. Выбери.

Вся эта сцена разворачивается в мамином кабинете в пентхаусе на Манхэттене, хотя место действия можно было выбрать любое — этой битвы было не избежать. Мы постоянно сталкиваемся лбами, постоянно спорим, с самого моего детства. Мы будто попросту не умеем